

В большом разделе Ангелов исследует сущность богомильского учения. Здесь особенно интересен отсутствовавший в первом издании анализ различных группировок богомилов, одни из которых были умеренными, другие последовательными дуалистами (стр. 117 и сл.). В этом разделе, на мой взгляд, следовало бы также поставить вопрос о принципиальном отличии богомильского дуализма от дуализма более раннего, в частности от дуализма кумранских сектантов (напомню, что богомилы использовали такие апокрифы, как возникшая в кумранской среде «Книга Еноха»).

Далее Ангелов исследует организацию богомилов и историю богомильского движения. Он останавливается, в частности, и на судьбах богомилов в Византии. В этой связи я хотел бы обратить внимание на одно свидетельство о малоазийских богомилах середины XII в., которое, насколько мне известно, до сих пор не было использовано и которое не привлечено также и Ангеловым. В панегирике Никите, митрополиту Хонскому, Михаил Хониат писал, что его герой усмирил «проклятых евхитов» (издатель ошибочно читает *Εὐχαίταις*, хотя в рукописях *εὐχίταις*, причем лаврентьевская рукопись добавляет *πογομίλοις*) (ed. S. Lampros, I, p. 53.7 et nota); в другом месте этого панегирика рассказывается о некоем «последователе Мани», который ворвался в храм и «бесчестно» сожрал артос, несмотря на сопротивление митрополита (*ibid.*, p. 62.21—63.1). Все это свидетельствует об активности хонских богомилов XII столетия⁴.

Книга Ангелова богата фактами; она всесторонне характеризует богомильское движение, убедительно вскрывая его антифеодальный характер. В конце книги приложен подробный список литературы⁵, а также удобный указатель.

A. K.

Gy. MORAVCSIK. Ἀγώνιον ἀφιερωτικὸν ποίημα περὶ τοῦ αὐτοκράτορος Βασιλείου Α. Εἰς μνήμην Κ. Ι. Ἀράντου. Ἀθήναι, 1960, σελ. 1—10.

Gy. MORAVCSIK. SAGEN UND LEGENDEN ÜBER KAISER BASILEIOS I.
Dumbarton Oaks Papers, 15, 1961, S. 59—126

Обе работы венгерского ученого Д. Моравчика объединены общей темой — они посвящены истории одного из виднейших византийских императоров, Василия I (867—886). В первой из них Моравчик привлек внимание к анонимному стихотворению в честь Василия, изданному еще в 1895 г. А. Бринкманом и упомянутому в 1897 г. А. Эрхардом (не К. Крumbaхером, как пишет Моравчик), но не ставшему до сих пор предметом специального исследования. Поскольку анонимный автор молит о даровании победы над «манихеями», Моравчик заключает, что стихотворение должно было появиться до разгрома Тефрики в 872 г. (стр. 4 и сл.). Это предположение весьма вероятно, хотя и порождает одно затруднение: приложение к императору эпитета *εἰρηνοτικός*; несколько противоречит отнесению анонимного сочинения к первым годам Василия — этот эпитет скорее характерен для последнего периода царствования Василия и, в частности, применен составителями «Эпаноги»¹.

Анонимное стихотворение — панегирик, прославляющий императора за щедрость и за справедливость к подданным, будь то архонты или бедняки. Прославление императорской щедрости — не просто трафаретный топос (общее место): напомню, что, например, в XI в. Атталиат всячески прославлял широту своего любимца, Никифора Вотаниата, тогда как Пселл в безудержных тратах видел один из самых серьезных пороков современных ему правителей Константинополя. Так и современник Василия I, Арефа Кесарийский, порицал императора за чрезмерность расходов. То же самое можно сказать и о провозглашении равенства архонтов и бедняков перед судом — достаточно напомнить, что в отличие от этого Фотий, современник анонимного автора, провозглашал естественной аристократическую иерархию общества («Подобно тому, как моряки должны подчиняться кормчему...» и т. д.).

⁴ Не следует ли в этой связи вспомнить о малоазийских *publicani*, т. е. павликианах, которые сражались на стороне сельджуков в битве при Дорилее в 1097 г. (*Histoire anonyme de la première croisade*, éd. et trad. par L. Bréhier. Paris, 1924, p. 48; cp. *ibid.*, p. 102)?

⁵ Иногда автор включал в этот список работы, не имеющие прямого отношения к теме (например, мою книгу об аграрных отношениях в Византии XIII—XIV вв.); вместе с тем к списку можно кое-что добавить, в частности: С. Кульбакин. Софийский синодик в новом издании и характеристике. ИОРЯС, IV, 3, 1899, стр. 1015—1030 (лингвистический анализ памятника); К. Ф. Радченко. Этюды по богомильству. К вопросу об отношении апокрифов к богомильству. «Изборник Киевский». Киев, 1904, стр. 29—38.

¹ См. М. Бенеманский. Ὁ πρόχειρος νόμος императора Василия Македонянина. Сергиев Посад, 1906, стр. 50.

Не следует ли поставить вопрос об отражении в византийских панегириках не только традиционных топосов, но и конкретной политической идеологии?

Во второй статье Моравчик издает отрывок из хроники «Продолжателя Георгия» (у нас она обычно называется хроникой Симеона Логофета) по 13 рукописям и отрывок из неопубликованной до сих пор анонимной хроники, так называемой *Historia imperatorum* (по 4 рукописям); оба отрывка содержат предания о юности Василия I. Этому изданию предпослан тщательный анализ легенд о Василии I, сохранившихся в самых разнообразных хрониках, житиях, речах и иных литературных памятниках.

Совокупность материала позволяет Моравчику отвергнуть некоторые суждения его предшественников (см., например, критику А. Грегуара за переоценку роли Михаила III или критику Р. Дженкинза, считавшего известие Константина VII о бедности семьи Василия I литературным вымыслом) или установить новые факты (например, он показывает, что Василий I не мог родиться ранее 817 г.).

Позволю себе сделать несколько частных замечаний по поводу рецензируемой статьи. Жаль, что Моравчик рассматривает лишь легенды, касающиеся первого периода жизни Василия — до 867 г. Сохранились также легенды, относящиеся к более позднему времени: например, смерть Василия описана в некоторых памятниках (в «Псамафийской хронике» и в так называемой хронике Псевдо-Симеона) в совершенно легендарной форме.

На стр. 105 Моравчик упоминает, что «в одном житийном памятнике» Василий прямо назван убийцей Михаила III: он ссылается на «Житие Феодоры». Впрочем, на стр. 106 Моравчик приводит еще одно житие, где высказывалась та же мысль, — «Житие Василия Нового». К этим двум следовало бы прибавить еще «Житие Ирины» (AASS, Juli VI, p. 616 F) и «Житие Марии Новой» (AASS, Novemb. IV, p. 692 C). Любопытно, что антифогтианские жития («Житие Игнатия», «Житие Евариста») ничего не говорят об убийстве Михаила III.

Убийство кесаря Варды датируется не 866 г. (стр. 61), а 21 апреля 865 г.²; датировка «Жития Игнатия» 886—890 гг. (стр. 67) далеко не беспорочна, ибо в нем идет речь о преемниках Фотия (во множественном числе); Псевдо-Симеон, возможно, пользовался не «Житием Игнатия», а общим с ним источником — не дошедшим до нас памфлетом³.

А. К.

B. KREKIĆ. DUBROVNIK (RAGUSE) ET LEVANT AU MOYEN ÂGE. Paris, Monton la Haye, 1960, p. 440

Работа Б. Крекича представляет собой результат тщательного изучения как опубликованных византийских, итальянских, дубровницких источников, так, и это главное, неизданных фондов Дубровницкого архива. Данную работу можно считать расширенным и углубленным повторным изданием книги Б. Крекича, опубликованной в 1956 г.¹

Первая книга была посвящена взаимоотношениям Дубровника и Леванта в 1280—1460 гг. В настоящей работе эти взаимоотношения прослеживаются начиная с VII в., т. е. со времени возникновения города, и до 1460 г. (год падения Морейского деспотата). По собственному признанию автора, настоящая работа охватывает «все средние века» (стр. 7). Таким образом, 1460 г. является, по мнению Б. Крекича, концом средних веков для стран интересующего его района. Последнее не очень убедительно: неясно, почему падение Морейского деспотата означало конец средневековья одновременно и для Дубровника, и для районов Леванта?

В отличие от работы 1956 г., написанной на сербо-хорватском языке, в настоящем издании, вышедшем на французском языке, Б. Крекич вместо названия Дубровник вводит название Рагуза, исходя при этом из двух обстоятельств. Во-первых, это название употреблялось в официальных актах того времени, а во-вторых, латинское название более привычно, чем славянское для западного читателя, для которого в первую очередь и предназначено французское издание.

В понятие Левант Б. Крекич включает те районы, которые разумели под этим названием сами дубровчане. Для них Левант начинался с выхода в Адриатическое море, т. е. у острова Корфу, захватывал побережье Эпира и обширную территорию на юг и восток вплоть до Черного моря, а также Сирию и Египет.

Так как наибольшее количество документов Дубровницкого архива относится к 1280—1460 гг., то естественно, что автор и здесь основное внимание уделил именно этому периоду, которому, как уже говорилось, первая книга была посвящена целиком. Однако в настоящей работе некоторые вопросы ставятся по-иному и отчасти включен новый документальный материал. Так, особо рассмотрены вопросы о морских

² G. Ostrogorsky. *History of the Byzantine State*. Oxford, 1956, p. 206.

³ Ф. М. Россейкин. Первое правление Фотия, патриарха константинопольского. Сергиев Посад, 1915, стр. 5, прим. 3.

¹ Б. Крекич. Дубровник и Левант (1280—1460). Београд, 1956.